

Юрий Бондарев

Батальоны просят огня (фрагмент)

*...Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.*

А. Твардовский

Глава первая

Бомбежка длилась минут сорок. Потом она кончилась. Полковник Гуляев, оглушенный, втиснутый разрывами в пристанционную канаву, провел ладонью по своей багровой шее — ее покалывало, жгло, — выругался и поднял голову.

В черном от дыма небе, неуклюже выстраиваясь, с тугим гулом уходили немецкие самолеты. Они шли низко над лесами на запад, в сторону мутно-красного шара солнца, которое, казалось, пульсировало в клубящейся мгле. Все горело, рвалось, трещало на путях, и там, где еще недавно стояла за пакгаузом старая закопченная водокачка, теперь среди рельсов, дымясь, чернела гора обугленных кирпичей; клочья горячего пепла опадали в нагретом воздухе.

Полковник Гуляев, морщась, осторожно потер обожженную шею, потом грузно вылез на край канавы и сипло крикнул:

— Жорка! А ну, где ты там? Быстро ко мне!

Жорка Витьковский, шофер и адъютант Гуляева, гибкой независимой походкой вышел из пристанционного садика, грызя яблоко. Его мальчишески наглое лицо было спокойно, немецкий автомат небрежно перекинут через плечо, из широких голенищ в разные стороны торчали запасные пенальные магазины.

Он опустилсь возле Гуляева на корточки, с аппетитным треском разгрызая яблоко, весело улыбнулся пухлыми губами, влажными от сока.

— Вот бродяги! — сказал он, все улыбаясь, взглянув в мутное небо, и добавил невинно: — Съешьте антоновку, товарищ полковник, не обедали ведь...

Это легкомысленное спокойствие мальчишки, вид пылающих вагонов, боль в обожженной шее и это яблоко в руке Жорки внезапно вызвали в Гуляеве злое раздражение.

— Воспользовался уже? Трофеев набрал? — Полковник ударил по протянутой руке адъютанта — яблоко вывалилось; и встал, хмуро отряхивая пепел с погон. — А ну, разыщи коменданта станции! Где он, черт бы его!..

Жорка вздохнул и, придерживая автомат, не спеша двинулся вдоль станционного забора.

— Бегом! — крикнул полковник.

Все, что горело сейчас на этой приднепровской станции, лопалось, взрывалось, трещало и малиновыми молниями вылетало из вагонов, и то, что было покрыто на платформах тлеющими чехлами, — все это уже значилось словно бы собственностью Гуляева, все это прибыло в армию и должно было поступить в дивизию, в его полк и поддерживать в готовящемся прорыве. Все погибало, пропадало в огне, обугливалось, стреляло без цели после более получасовой бомбежки.

«Бестолочи, глупцы! — гневно думал Гуляев о коменданте станции и начальнике тыла дивизии, решительно и грузно шагая по битому стеклу к вокзалу. — Под суд, сукиных сынов, мало! Под суд! Обоих!»

Возле станции уже стали появляться люди: навстречу бежали солдаты с потными серыми лицами, танкисты в запорошенных пылью шлемах, в грязных комбинезонах. Все подавленно озирали дымный горизонт, щуплый и низенький танкист-лейтенант, ненужно хватаясь за кобуру, метался меж ними по платформе, орал срывающимся голосом:

— Тащи бревна! К танкам! К танкам!..

И, наткнувшись растерянным взглядом на Гуляева, не вытянулся, не козырнул, только покривился тонким ртом.

Впереди, метрах в пятидесяти от перрона, под прикрытием каменных стен чудом уцелевшего вокзала стояла группа офицеров, доносились приглушенные голоса. В середине этой толпы на голову выделялся своим высоким ростом командир дивизии Иверзев, молодой, румяный полковник, в распахнутом стального цвета плаще, с новыми полевыми погонями. Одна щека его была краснее другой, синие глаза источали холодное презрение и злость.

— Вы погубили все! Па-адлец! Вы понимаете, что вы наделали? В-вы!.. Пон-нимаете?..

Он коротко, неловко поднял руку, и у стоявшего возле человека, как от ожидания удара, невольно вскинулась кверху голова, — и тогда полковник Гуляев увидел белое, дрожавшее дряблыми складками лицо пожилого майора, начальника тыла дивизии, его опухшие от бессонной ночи веки, седые взлохмаченные волосы. Бросились в глаза неопрятный, мешковатый китель, висевший на округлых плечах, нечистый подворотничок, грязь, прилипшая к помятому майорскому погону, запасник, по-видимому, работавший до войны хозяйственником, «папаша и дачник»... Втянув голову в плечи, начальник тыла дивизии виновато и молча смотрел Иверзеву в грудь.

— Почему не разгрузили эшелон? Вы понимаете, что вы наделали? Чем дивизия будет стрелять по немцам? Почему не разгрузили? Поч-чему?..

— Товарищ полковник... Я не успел...

— Ма-алчите! Немцы успели!

Иверзев шагнул к майору, и тот снова вскинул широкий мягкий подбородок, уголки губ его мелко задергались, будто он хотел заплакать; офицеры, стоявшие рядом, отводили глаза.

В ближних вагонах рвались снаряды; один, видимо бронебойный, жестко фырча, врезался в каменную боковую стену вокзала. Посыпалась штукатурка, кусками полетела к ногам офицеров. Но никто не двинулся с места, не пригнулся, лишь поглядели на Иверзева: плотный румянец залил его другую щеку.

— Под суд! — низким голосом выговорил Иверзев. — Я отдам вас под суд! Полковник Гуляев, подойдите ко мне!

Гуляев, оправляя китель, подошел с готовностью; но этот несдержанный гнев командира дивизии, это усталое, измученное лицо начальника тыла сейчас уже неприятно было видеть ему. Он недовольно нахмурился, косясь на пылающие вагоны, проговорил глухим голосом:

— Пока мы не потеряли все, товарищ полковник, необходимо расцепить и рассредоточить вагоны. Где же вы были, любезный? — невольно поддаваясь презрительному тону Иверзева, обратился Гуляев к начальнику тыла дивизии, оглядывая его с тем болезненно-сострадательным выражением, с каким глядят на мучимое животное.

Майор, безучастно опустив голову, молчал; седые слипшиеся волосы его топорщились у висков неопрятными косичками.

— Действуйте! Дей-ствуй-те! Что вы стоите? В-вы, растяпатыла! — крикнул Иверзев бешеным шепотом. — Бегом! Все делать бегом! Марш! Товарищи офицеры, всем за работу! Полковник Гуляев, разгрузка боеприпасов под вашу ответственность!

— Слушаюсь, — ответил Гуляев.

Иверзев услышал глуховатый голос Гуляева и, хотя понимал, что это «слушаюсь» еще ничего не решает, все же, сдерживая себя, перевел внимание на коменданта станции — сухощавого, узкоплечего подполковника, замкнуто и нервно кутившего возле ограды вокзала, — и добавил тише:

— А вы, товарищ подполковник, ответите перед командующим армией за все сразу! За все!..

Подполковник не ответил, и, не ожидая ответа, Иверзев повернулся — офицеры расступились перед ним — и стремительно, крупными шагами пошел к «виллису» в сопровождении молоденького, тоже как бы рассерженного адъютанта, щеголевато затянутого в новые ремни.

«Уедет в дивизию», — подумал Гуляев без осуждения, но с некоторой неприязнью, потому что по опыту своей долгой службы в армии хорошо знал, что в любых обстоятельствах высшее начальство вольно возлагать ответственность на подчиненных офицеров. Он знал это и по самому себе и поэтому не осуждал Иверзева. Но неприязнь объяснялась главным образом тем, что Иверзев назначил ответственным именно его, безотказного работягу фронта, как он иногда называл себя, а не кого другого.

— Товарищи офицеры, прошу ко мне!

Гуляев лишь сейчас близко увидел коменданта станции; лицо коменданта, меловая бледность, его вздрагивающие худые пальцы, державшие сигарету, ясно объяснили ему, что этот человек только что пережил. «Отдадут под суд. И за дело», — подумал Гуляев без жалости и сухо кивнул подполковнику, встретив ищущий его взгляд.

— Ну, будем действовать? Так, что ли, комендант?

Когда несколько минут спустя комендант станции и Гуляев отдали все распоряжения офицерам, и к горящим составам, зашипев паром, подкатил маневровый паровозик с перепугано высунувшимся машинистом, и тяжелые танки стали, глухо ревя,

сползать с тлеющих платформ, тогда к полковнику, кашляя, перхая, моргая слезящимися от дыма глазами, подбежал начальник тыла дивизии, затряс седой головой: он задышался.

— Боеприпасы одним паровозом мы не спасем! Погубим паровоз, людей, товарищ полковник!..

— Эх, братец вы мой, — досадливо поморщился Гуляев. — Разве вам в армии служить? Где ж вы фуражку потеряли?

Майор скорбно улыбнулся, его опущенные руки жалко теребили полы помятого кителя.

— Я постараюсь... Я все, что смогу... — заговорил он умоляющим голосом. — Комендант сообщил: прибыл эшелон. Из Зайцева. Стоит за семафором. Я сейчас за паровозом. Разрешите?

— Мигом! — скомандовал Гуляев. — Одна нога здесь... И, ради бога, не козыряйте. Как корягу, руку подносите, черт бы драл! И без фуражки!..

Майор отдернул руку, как обожженную, сконфуженно попятился и потом побежал к перрону, рыхло колыхая спиной, неуклюже подпрыгивая, наталкиваясь на танкистов; они раздраженно матерились. Его мешковатый китель, взлохмаченная голова мелькнули в последний раз в конце перрона, исчезли в сизо-оранжевом дыму возле крайних вагонов, где с треском, визгом осколков лопались снаряды.

— Жорка! А ну, за майором! Помоги! А то носит его... видишь? За смертью гоняется! — сказал Гуляев.

Жорка ухмыльнулся, ответил небрежно:

— Есть, — и двинулся за майором своей цепкой скользкой походкой.

Полковник Гуляев стоял около вокзала, глядел на пылающие вагоны со вздыбленными крышами, понимал, что все здесь, охваченное огнем, могло спасти только чудо. Он думал о том, что этот пожар, уничтожающий боеприпасы и снаряжения не только для истощенной в боях дивизии, но и для армии, оголял его полк, батальоны которого подтянулись к Днепру в течение прошлой ночи. И как бы умны ни были сейчас распоряжения Гуляева, как бы ни кричал он, ни взвинчивал людей, — все это теперь не спасало положения, не решало дела.

Он видел, как, убегая в дым и вновь выныривая в просветах пожара, маневровый паровозик, свистя, носился по путям с прилипшим к буферу сцепщиком, разъединял искореженные

осколками вагоны, оглушая лязгом железа, толкал их в тупики. Танки обрушивались через края платформы на бревна, скатывались на землю; недовольно ревя, как обожженные звери, уползали к лесу; он начинался тут же за станционным зданием.

Мимо вокзала пробежал высокий танкист-подполковник, брови подпалены, лицо озлобленное, все в темных полосах гари; он не заметил Гуляева.

— Подполковник! — зычно окликнул Гуляев, чуть подбирая полнеющий живот, как делал это всегда, готовый отдать приказ.

— Что вам? — Танкист остановился, воспаленные веки сузились. — Я слушаю!

— Сколько танков вышло из строя?

— Не подсчитано!

— Вот что! Освободятся люди, пошлите их на расцепку вагонов! Сейчас придет еще паровоз...

— Я людьми швыряться не намерен, товарищ полковник! Воевать без людей буду?

— А как же будет воевать дивизия? А? Вся дивизия? — спросил Гуляев, чувствуя, что снова сбивается на тон Иверзева, и раздражаясь на себя за это.

У танкиста собрались в одну линию почерневшие губы; он ответил твердо:

— Не могу! Я отвечаю за своих людей, полковник!

В ближайшем вагоне с грохотом взорвалось несколько снарядов, взметнулась крыша, дохнуло обжигающим жаром, запахом тола. Лицам стало горячо. На мгновение оба отвернулись, их заволокло дымом; танкист закашлялся.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться? — послышался в эту минуту за спиной Гуляева насмешливый голос.

— По-до-жди-те! Подождите! — холодно, не оборачиваясь, проговорил Гуляев, упорно глядя на кашляющего подполковника-танкиста, и добавил уже жестко: — Я потребую... потребую выполнения!

— Товарищ полковник, разрешите обратиться?

— Кто еще тут? Что угодно? — Гуляев, поморщась, круто повернулся и тотчас, не понимая, удивленно и громко воскликнул: — Капитан Ермаков? Борис? Откуда тебя черти принесли?..

— Здорово, полковник Гуляев!

Среднего роста капитан в летней выгоревшей гимнастерке с темными следами от портупей стоял возле. Талия узко перетянута ремнем, тень от козырька падала на половину смуглого лица, карие, почти черные глаза, белые зубы блестели в обрадованной улыбке.

— Ну, здорово, полковник! — оживленно повторил он. — Что, не верите? Доложить, что ли?

— Да откуда тебя черти принесли? — проговорил, затоптавшись, Гуляев, сначала сурово нахмурился, потом засмеялся, грубовато стиснул капитана в объятиях и сейчас же отстранил его, засопев, косясь назад.

— Идите, — буркнул он танкисту. — Идите.

— Дайте жрать, полковник! Толком четыре дня не ел! — сказал капитан, улыбаясь. — И сутки без дымового довольствия!..

— Да откуда ты?.. Докладывай!

— Из госпиталя. Ждали в пути, когда кончится у вас тут. Потом появляется Жорка с майором, ну и... прикатили на паровозе.

— Легкомыслие? Шутишь все? — пробормотал Гуляев, всматриваясь в заштопанный рукав капитанской гимнастерки, и густо побагровел. — Не писал из госпиталя, хинная ты душа! А? Молчал, ухарь-купец!

— Я хочу не есть, а жрать! — ответил капитан, смеясь. — Дайте хоть сухарь! Водки не прошу!

— Жорка! — крикнул полковник. — Проведи капитана Ермакова к машине!

Жорка, до этого скромно стоявший в стороне, просветлел лицом, заговорщицки подмигнул капитану голубым невинным глазом:

— Тут в лесу. Недалеко.

Все, что можно было сделать в создавшихся обстоятельствах, было сделано. Устало догорали загнанные в тупики вагоны; с последним, как бы неохотным треском запоздало рвались снаряды. Пожар утих. И только теперь стало видно, что стоял теплый, погожий день припозднившегося бабьего лета. Чистое сияющее небо со стеклянно высокой синевой развернулось над лесной станцией. И только на западе почти неуловимо светились в бездонной его глубине беззвучные зенитные разрывы.

Порыжевшие, тронутые осенью приднепровские леса, окружавшие черное пепелище путей, стали видны, как в бинокль.

Полковник Гуляев, потный, разомлевший, не без наслаждения скинув горячие сапоги с усталых ног, подставив ноги солнцу и расстегнув китель, так что видна была волосатая, пухлая грудь, лежал в стационарном садике под облетевшей яблоней. Здесь все по-осеннему поблекло, поредело, везде неяркий блеск солнца, везде хрупкая прозрачная тишина, вокруг легкий шорох палых листьев, чуть-чуть тянуло свежим воздухом с севера.

Капитан Ермаков лежал рядом, тоже без сапог, без ремня и фуражки. Полковник, хмурясь, сбоку рассматривал его исхудалое, побледневшее лицо, прямые брови, — черные волосы упали на висок, шевелились от ветра.

— Та-ак, — проговорил Гуляев. — Значит, раньше времени прибежал? Что, не терпелось, терпежу не было?

Борис вертел опавший желтый яблоневый лист, задумчиво улыбаясь, внимательно щурился на него.

— Променять госпитальную койку вот на это... стоило, честное слово, — ответил он, сдунул лист с ладони, затем спросил полусерьезно: — Вы что-то, полковник, растолстели? В обороне стоите?

— Ты мне не вкручивай, — недовольно перебил Гуляев. — Я спрашиваю, почему прибежал?

Борис потянулся к яблоне, сорвал голую веточку, опять внимательно осмотрел ее, сказал:

— Вот, оторвал эту ветку — и она погибла. Верно? Ну ладно, оставим лирику. Как там моя батарея, жива?

Он, слегка усмехнувшись, взглянул на полковника, повторил:

— Жива?

— Твоя батарея ночью форсировала Днепр. Ясно? — Гуляев, сопя, повернулся, поерзал животом по желтой траве, по сухим листьям, раздраженно спросил: — Ну, еще вопросы?

— Кто командует батареей?

— Кондратьев.

— Это хорошо.

— Что хорошо?

— Кондратьев.

— Вот что, — грубовато и решительно проговорил Гуляев, — хочу предупредить тебя, и без шуток, дорогой мой. Будешь грудью по-дурачки, по-ослиному пули ловить, храбрость показывать — к

чертовой бабушке спишу в запасной полк! И баста! Спишу — и баста!

— Ясно, — сказал Борис.

— Убьют дурака. Что?

— Ясно, — кивнул Борис. — Все ясно.

Обветренное, крупное, заметное покатым морщинистым лбом, лицо полковника медленно отпуская с себя выражение недовольства, нечто похожее на улыбку слабо тронуло его губы, и он проговорил с грустным весельем:

— Оторванная ветка! Ска-жит-те! Философ, пороть тебя некому!

Лежа на спине, Борис по-прежнему задумчиво глядел в холодноватую синеву неба, и Гуляев подумал, что этому молодому, здоровому офицеру мало дела до его слов, до откровенного беспокойства, не предусмотренного никаким уставом, — они знали друг друга со Сталинграда. Был полковник одинок, вдов, бездетен, и он как бы видел в Ермакове свою молодость и многое прощал ему, как многое прощал и себе в те годы, как это иногда бывает у немало поживших и не совсем счастливых одиноких людей.

Долго лежали молча. Пустой, перепутанный паутиной садик был насквозь пронизан золотистым солнцем. В теплом воздухе планировали листья, бесшумно стучаясь о ветви, цепляясь за паутину на яблонях. В тишину долетало отдаленное гудение танков из леса, тонкое шипение маневрового паровозика на путях: отзвуки жизни.

Сухой лист упал полковнику на плечо. Он медлительно смял его в кулаке, скосил глаза на Бориса.

— Прорывать оборону будем. Крепкий орешек на правом берегу. Что молчишь?

— Так, думаю. И сам не знаю о чем, — сказал Борис.

Со стороны вокзала, приближаясь, слышались голоса, показавшиеся странными здесь, — женские голоса, звучные и будто стеклянные в тихом воздухе полуоблетевшего сада. Полковник Гуляев, неловко повернув обожженную шею, крикнул от боли, удивленно оглядываясь, спросил:

— Это что же такое?

По тропинке от вокзала через сад двигались две женщины, несли огромный сундук, переплетенный веревками. Одна, молодая, гибкая, босоногая, в выцветшей блузке, небрежно заправленной в

юбку, косынка надвинута на тонкие брови, шла изогнувшись, напрягая крепкие икры; другая — в мужской поношенной телогрейке, в сапогах, смуглое лицо изможденно, потно, волосы растрепались, и солнце, бившее сзади, просвечивало их.

— Далеко ли, красавицы бабоньки? — крикнул Гуляев и, кряхтя, сел, медленно потирая колени.

Женщины опустили сундук. Молодая выпрямилась, нестеснительно оглядела грузноватую фигуру Гуляева, игриво-дерзким взглядом скользнула по лицу Бориса и вдруг фыркнула, засмеялась.

— Помогли бы, товарищ полковник, вещи у нас больно тяжелые! Серьезно...

Борис спросил с явным интересом:

— А вы что же, недалеко здесь живете? Вы здешние?

Молодая заулыбалась, выставив грудь, ловкими пальцами поправляя косынку, а та, постарше, что в телогрейке, низко опустив лицо, смутилась, смугло покраснела. Молодая бойко сказала:

— Мы рядом тут. В лесу село... Одни мы! Просто одни. Помогли бы, а?

— Пойдем? — полувопросительно сказал Борис. — А, товарищ полковник?

— Да ты что? — свирепым шепотом остановил его Гуляев, протестуяще замахав крупной рукой. — Не в форме мы, красавицы, босиком, видите? Наше дело военное, бабоньки, некогда нам! Идите, идите!

Немного спустя, когда женщины скрылись в глубине сада, полковник, наморщив озабоченно лоб, заторопился, стал натягивать шерстяные носки, говоря:

— Ну все. Поехали. Хватит.

Борис шутливо сказал ему:

— А может быть, пойдем? Надо бы помочь.

— Да ты что? — Гуляев, побагровев, встал, ожесточенно вбил ногу в узкий сапог, резко одернул на животе китель. — Нечего нам тут. Пошли. Залежались. Дел по горло!

Косматое нежаркое солнце садилось в леса.

Глава вторая

Ночь застала их в дороге, холодная, звездная октябрьская ночь. Шумом, движением, людскими голосами была наполнена лесная темнота. Жорка изредка включал фары, и в белом коридоре их то мелькала оскаленная, скошенная на свет морда лошади, то заляпанный грязью борт грузовика, то кухня, разбрызгивающая по дороге раскаленные угли, то щит орудия и нахохленные спины езовых, то серые, непроспанные лица солдат. Все это шло, двигалось, ехало, копошилось, скакало во тьме туда, где за лесами тек Днепр.

— Гаси! Гаси фары, дьявол! — метнулся от подпрыгивающей впереди повозки крик, мимо скользнуло белое лицо езового, и по борту «виллиса» жестяно хлестнул кнут.

— Надо бы через спину тебя протянуть, — ворчливо пробормотал в сторону Жорки полковник. — А ну, гаси. И перестань жевать, ну?

Хмуро вобрав голову в плечи, Гуляев смотрел сквозь ветровое стекло на дорогу; Жорка лениво грыз сухарь, одной рукой держал баранку, изредка поглядывал вверх, где текло мерцающее холодное небо.

— Вот бродяги! — сказал он, жуя, и спрятал сухарь в карман. — Гляньте-ка, товарищ полковник, опять фонари развесили.

В небе распушался сумрачный желтый свет: четыре осветительные бомбы, роняя искры, высоко висели над лесами среди звезд. Они медленно летели, косо и тихо опускаясь. Вверху выступили из темноты, четко прорезались оголенные вершины деревьев. Лес сразу ожил, черные тени деревьев поползли, задвигались на дороге, мешаясь с тенями людей, машин, повозок; впереди ожесточенно взревели танки, кто-то зычно подал команду из глубины колонны:

— Сто-ой!

Жорка вопросительно поднял одну бровь; полковник пробормотал в воротник:

— Объезжай.

«Виллис» обогнул колонну машин, тесно сгрудившиеся повозки, орудия, понесся впритирку к лесу, ветви захлестали, забили по бортам, по стеклу, упруго подбрасывало на корневищах.

Деревья расступились, стало по-дневному светло. Над головой, разгораясь, плыли «фонари». Впереди с громом рванулось двойное пламя, и в лесу ахнуло, загредело, как в пустых коридорах.

— Куда? Куда под бомбы прешь? Не видишь? — закричал кто-то отчаянным голосом, и человеческая фигура метнулась перед радиатором. — Ку-уда?..

— Стоп! — скомандовал Гуляев, занося вон из машины ногу.

«Виллис» круто затормозил, и Борис ударился бы о спинку переднего сиденья, если бы не спружинил руками. Полковник вылез, пошел вперед. На дороге чернела, тускло освещенная «фонарями», колонна танков; моторы работали, стреляя резкими выхлопами, танки двигались толчками к матово блестящей воде. Там, в проходе, образованном съехавшими к обочине повозками и кухнями, они с гулом вползали на качающийся понтонный мост.

— Днепр? — быстро спросил Борис, наклоняясь к уху Жорки,

— Не-е, рукав... Днепр дальше, — ответил Жорка, поглядывая на небо. — Почуяли, бродяги, все время тут долбят... Во кинул, бродяга. Слышите — поросята завизжали?..

Заглушая гул танковых моторов, крики у переправы, ржанье лошадей, новые пронзительные, рвущие воздух звуки возникли в небе. Небо обрушилось: ослепляя, брызнули шипящие кометы, полыхнули огнем в глаза; «виллис» резкой силой толкнуло назад. Борис, испытывая холодно-щекочущее чувство опасности, притупившееся в госпитале, смотрел на разрывы. Потом увидел в хаосе рвущихся вспышек вопросительно повернутое лицо Жорки; сквозь грохот прорвался его голос:

— Ложи-ись, товарищ капитан! Пикирует!

Борис, возбужденный, с сжавшимся сердцем — отвык, отвык! — делая размеренные движения, вылез из машины и, чувствуя глупость того, что делает, заставил себя не лечь, а стоять, наблюдая за дорогой.

В ту же минуту он поднял голову: нарастающий рев мотора стал давить на уши. С белесого неба стремительно падала на переправу тяжелая тень, оскаливаясь пулеметными вспышками. И Борис поспешно лег возле машины. Малиновые короткие молнии, будто подымая ветер, отвесно неслись вдоль колонны. Упала, забила в оглоблях, заржала лошадь. «О-ох, о-ох», — слышалось из леса; что-то зашлепало по мокрому песку возле

головы Бориса. И он непроизвольно нащупал и отбросил горячую крупнокалиберную гильзу.

В глубине леса гулко и запоздало застучали скорострельные зенитные орудия. Трассы вслепую рассыпались в небе, все мимо, мимо низкого тяжелого силуэта самолета. Гул его удалялся. Зенитки смолкли. Стало тихо. «Фонари» опустились к самой воде. И было слышно, как по ту сторону рукава отдаленно рокотали танки. Они переправились во время бомбежки. Борис поднялся с земли, разозленный и неприятно подавленный тем, что чувство страха оказалось сильнее его, отряхнул мокрый налипший песок с коленей, подумал: «Разнежился. Все. Конец. Прежняя жизнь начинается».

– Из санроты! Где санрота? Санитары! – донесся крик из колонны, и она зашевелилась, задвигались фигуры меж повозок и машин.

– Жорка! – раздался голос полковника. – Все целы?

– Целы, целы. Поехали, – ответил Борис преувеличенно спокойно.

«Виллис» снова понесся по дороге к близкому Днепру.

Борис смотрел на мелькающие стволы берез, на темную нескончаемую колонну; сырой ветер обливал холодом потную от возбуждения шею, еще не проходило раздражение на самого себя после только что пережитого страха: он не любил себя такого.

Так же, как большинство на войне, Борис боялся случайной смерти: смерть в нескольких километрах от фронта всегда казалась ему такой же унизительно-глупой, как гибель человека на передовой, вылезшего с расстегнутым ремнем из окопа по своей нужде.

– Началось наше, – сказал Жорка, снова осторожно захрустел сухарем и включил на мгновение фары. Вспыхнув, они скользнули по борту буксующего на дороге «студебеккера», осветили маслено заблестевшую пехотную кухню в кустах, толпу солдат с котелками, потом на перекрестке дорог выхватили на стволе сосны деревянную табличку-указатель: «Хозяйство Гуляева». Эта стрела показывала влево. Другая прямо – «Днепр». Машины, повозки и люди текли туда через лес, неясный зеленый свет загорался и гас там над вершинами деревьев.

Полковник Гуляев кивнул:

– Давай в хозяйство.

– Жорка, останови! – громко сказал Борис.

– Что такое?

«Виллис» остановился. Жорка перестал жевать. Ветер сразу упал. Был слышен буксующий вой «студебеккера», скрип колес, фыркание лошадей, голоса. Борис молча спрыгнул на дорогу, потянул из машины планшетку.

– В батарею? – устало спросил полковник Гуляев и повторил: – В батарею? Так вот что. Там тебе уже делать нечего. Н-да! Кондратьев там. Артиллерии в дивизии много. Найдем место. Не торопись. Была бы шея, а хомут...

– Может, в адъютанты возьмете, полковник? – усмехнулся Борис. – Или в комендантский взвод?

Не отвечая на вопрос, Гуляев поерзал, тяжело засопел.

– А! Некогда мне тут с тобой антимонии разводить! Некогда! – Гуляев вдруг с силой толкнул Жорку локтем. – Поехали! Спишь? Гони, гони! Что смотришь?

Бориса обдало теплым запахом бензина, махнуло по лицу ветром, темный силуэт «виллиса» запрыгал в глубине лесной дороги, исчез.

Глава третья

Серии ракет всплывали над Днепром на той стороне; черная вода тускло поблескивала возле берега. Свет ракет опадал клочьями мертвого огня, и тогда отчетливо стучали крупнокалиберные пулеметы. Трассирующие пули веером летели через все пространство реки, вонзались в мокрый песок острова, тюкали в сосны, вспыхивая синими огоньками. Это были разрывные пули. Срезанные ветви сыпались на головы солдат, на повозки, на котлы кухонь.

По несколько раз подряд на той стороне скрипуче «играли» шестиствольные минометы. Все небо расцвечивалось огненными хвостами мин. С тяжким звоном, сотрясая землю, рвались они, засыпая мелкие, зыбкие песчаные окопчики. Немцы били по всему острову – на звук голосов, на случайную вспышку зажигалки, на шум грузовиков. А остров кишел людьми.

Ночью стало холодно, сыро и ветрено. Сосны по-осеннему тягуче гудели в темноте, от воды вместе с ветром приносило

тошнотворный запах разлагающихся трупов – их прибывало течением.

Но там, возле воды, были и живые люди – постукивал топор, доносились голоса, кто-то ругался грубо, сиплый тенор, не сдерживая душу, костерил кого-то:

– Ты чего сигарки жуешь, а? Ты сколько раз собрался умирать, растяпа! А ну, бросай!..

И было видно, как при взлете ракет черные силуэты саперов падали в воду, на песок; прекращался стук топора. Изредка тот же сиплый тенор, поминая бога и мать, звал санитаря, потом кого-то уносили на плащ-палатке, спотыкаясь о воронки.

А метрах в ста пятидесяти от берега, в воронке от бомбы, прикрытый брезентом, тлел костерок из снарядных ящиков. Было дымно здесь, пахло паром сырых шинелей.

Протянув разомлевшие ноги к жидкому огоньку, вокруг сидело и лежало несколько солдат-артиллеристов. Все молчали, дремотно поглядывали на наводчика Елютина. Елютин же, спокойно вытянувшись на снарядных ящиках, задумчиво копался перочинным ножом в разобранных ручных часах.

Сержант Кравчук, крепколицый смуглый парень лет двадцати пяти, помял над огнем высохшую портянку, принял строгий вид и, держа ногу на весу, начал обматывать ее. Потом замер, покосился через плечо.

– Кто это там на голову сел? – сурово поинтересовался он. – Глаза где?

– Лузанчиков вроде, – сказал телефонист Грачев, испуганно разлепляя глаза, и сонно подул в трубку. – Как там, как там? Танки? Мы знаем...

Кравчук шевельнул плечами, медленно повернулся. Подносчик снарядов Лузанчиков, худенький, сжавшись всей мальчишеской фигуркой, привалясь к его плечу, спал, охватив колени, тонкие до жалости руки подрагивали в ознобе; по его бледному, заострившемуся лицу беспокойно бродили тени – отблески мутного сна. Кравчук угрюмо сказал:

– Беда с мальцами. Просто детские ясли.

– А? – спросил во сне Лузанчиков тонким голосом.

Кравчук, подумав, неуверенно приподнялся, потянул из-под себя плащ-палатку и с недовольным видом накинул ее на плечи

Лузанчикова. Тот, не открывая глаз, дрожа веками, закутался в нее, по-детски всхлипнув, подобрал ноги калачиком.

– Н-да-а, чуток не захлебнулся, – сказал Кравчук, наматывая портянку. – Плавать не умеет. Намучаешься с ним.

Замковый Деревянко, весь черный, как жук, ехидно крикнул, сделал вспоминающее лицо, и тотчас все повернули к нему головы.

– На Волге до войны катер ходил осводовский. И в рупор без конца орали: «Граждане купающие, по причине общего утонутия, просьба не заплывать на середину реки!» Тут тебе, Кравчук, в рупор не заорут. Можно быть вумным, как вутка, а плавать, как вютюг! Ты сам за бревно двумя руками держался!

– Хватит молотить! – оборвал его Кравчук. – Смехи все!

Деревянко вздохнул, сожалеюще заглянул в котелок.

– Какой смех! Второй раз на голодный желудок будем переправляться, не до смеху! Где старшина? Я б его пустым котелком разочков пять по загривку съездил. Аж звон пошел бы. Как на передовую – его нет!

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.